

Научная статья / Scientific article

УДК 93/94+348.5+930.25+930.253+613.36+364.29+364.242+241.38
+241.72

doi 10.28995/2073-0101-2023-1-249-261

Хохлов, А. А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация

**Историко-антропологический очерк пьянства
приходского клира Казанской епархии
в середине XIX в.**

Khokhlov, Alexander A.

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation

**Historical and Anthropological Sketch
on Parish Clergy Drunkenness in the Kazan Eparchy
in Mid-19th Century**

Аннотация

Статья освещает один из наименее изученных в отечественной историографии вопросов – поведенческие девиации православного приходского духовенства в форме злоупотребления спиртным (пьянства). Обращение к этой значимой и интересной, а главное, недооцененной теме способно, по мнению автора, пролить свет на наиболее слабо освещенные стороны повседневной жизни различных социальных слоев Российской империи, вскрыть их культурные и социально-психологические особенности, специфику ментальности и механизмы бытовой коммуникации; расширить имеющиеся представления об облике приходского клира периода расцвета Синодальной эпохи. С этой целью автор обратился к архивным материалам,

хранящимся в Государственном архиве Республики Татарстан (ГАРТ). Они представлены следственными делами Казанской духовной консистории в отношении священно- и церковнослужителей Казанской епархии середины XIX в. Многие из этих документов до сих пор не удостоились внимания исследователей. На их основе выявляется глубокая и комплексная научная проблема, полномасштабная разработка которой еще предстоит. В статье целенаправленно делается упор на антропологический аспект и предпринимается попытка анализа отношения в сельском социальном пространстве к феномену «пьянствующего клирика»: епархиальной власти, самого духовенства, крестьян. В результате проведенного исследования представлены факты патологической зависимости отдельных представителей духовенства, что говорит об имевшей место практике, вносившей нравственный диссонанс в миссию церкви. При этом отмечается снисходительное отношение прихожан к подобного рода отклонениям пастырей. Одна из возможных причин этого, по мнению автора, кроется в имманентно присущем крестьянам стремлении отгородиться от вмешательства в пространство сельского мира (в церковной терминологии – прихода) извне, сохранить в неприкосновенности ее замкнутый характер в купе с этической системой, сформировавшейся и воспринятой еще в древности. Однако эта установка способствовала усугублению негативных тенденций в среде приходского клира, способствуя поляризации духовенства и превращая его из борца с социальными пороками в заложника ситуации. Дальнейшее исследование массива архивных дел в рамках обозначенной проблемы позволит уточнить и расширить картину этой стороны повседневности священно- и церковнослужителей периода поздней империи, внося таким образом вклад, в объективизацию имеющихся на сегодняшний день научных представлений об истории Русской православной церкви, ее месте и роли в пространстве российского социума второй половины XIX – начала XX в.

Abstract

The article covers one of the least studied issues in the Russian historiography – behavioral deviations of the Orthodox parish clergy in form of alcohol abuse (drunkenness). According to the author, addressing this significant, interesting, and, most importantly, underestimated topic, can shed light on poorly studied aspects of the daily life of various social strata of the Russian Empire; reveal their cultural and socio-psychological features, specifics of mentality and mechanisms of everyday communication; expand the existing ideas on the appearance of parish clergy in the heyday of the Synodal era. To this end, the author turn to

archival materials stored in the State Archive of the Republic of Tatarstan. These are investigatory records of the Kazan Spiritual Consistory on priests and clergy of the Kazan diocese of the mid-19th century. Many are yet to come to the attention of researchers. Drawing on these records, a deep and complex scientific problem is identified, which is also yet to be addressed full-on. The article emphasizes the anthropological aspect and attempts to analyze the attitudes of diocesan authorities, clergy, and peasants to the phenomenon of “drunken cleric” in rural social space. The study cites instances of addiction of individual representatives of the clergy, thus noting a habitude contributing to moral dissonance with the mission of the church. At the same time, there was a condescending attitude of parishioners to such deviations of their shepherds. One of the possible reasons for this, according to the author, lies in the inherent desire of peasants to ward off all external interference in the space of rural world (in church terminology, parish), to maintain its closed character and ethical system that was formed and learned in older days. However, this attitude contributed to aggravation of negative trends among the parish clergy, to its polarization; transformed it from fighter against social vices into hostage of circumstances. Further study of this array of archival files is to clarify and expand the portrayal of this side of everyday life of the clergy of late imperial period, thus contributing to objectification of current scientific ideas on the history of the Russian Orthodox Church, its place and role in the Russian society of the second half of the 19th – early 20th century.

Ключевые слова

Церковные исторические источники, православная церковь, духовенство, клир, пьянство, социальные девиации, приход, крестьяне.

Keywords

Church historical sources, Orthodox Church, priesthood, clergy, drunkenness, social deviations, parish, peasants.

Проблема пьянства духовенства встречается в источниках еще XI в. Митрополит Иоанн II в посланиях порицал приверженность клира спиртным напиткам¹. В XVII в. Олеарий, описывая быт москвитов, отмечал винные пристрастия клира². Проблема сохраняла актуальность и на протяжении последующих веков. Тем не менее в отечественной историографии данный феномен не привлекал внимания исследователей и не получил освещения в научной литературе. Если же

вопрос и затрагивался, то поверхностно и, нередко, в определенном идеологическом ключе. Одни историки писали про благотворный вклад клира в дело народной трезвости, другие гиперболизировали проблему, экстраполируя ее на все духовенство.

Из относительно объективных работ можно выделить исследование Ю. И. Белоноговой, написанное на московских архивах³. Однако здесь клир не является центральным предметом. Внимания заслуживает монография В. Б. Безгина⁴, в которой в качестве основы пьянства духовенства видится влияние модернизации и усиление социальной мобильности в России во второй половине XIX в. С позиции автора, диффузия культурных практик приводила к размыванию мировоззренческих и этических основ общества, детерминируя «алкогольный эскапизм». К числу подобных работ можно отнести статью А. В. Спичак, акцентировавшей внимание на борьбе церкви с пьянством в Тобольской губернии, в которой интересующей нас проблеме уделяется некоторое внимание⁵. В нашем случае мы обращаемся к винопитию клира на конкретных примерах и сквозь призму его связи с крестьянским миром. Системный подход наиболее полно раскрывает культурные практики духовного сословия.

Анализ уместно начать с дела диакона села Майдан Свяжского уезда Петра Ливанова (1858), алкогольная зависимость которого превратилась в трагедию не только для него самого, но и для всей его семьи и прихода⁶. Хмельной диакон плохо исполнял обязанности, проматывал имущество, что вскоре обернулось нищетой. Уговоры настоятеля Петра Белорусова были напрасны. Это побудило священника вскоре обратиться к духовным властям. Впрочем, инициатива была направлена в Казань «через голову» благочинного, который, вопреки инструкции, не торопился вмешиваться в ситуацию. Белорусов писал архиепископу: «По объявлению живущей с ним матери, напивается каждодневно раза по два до упада, и всегда приводят его другие, находя валяющимся. Престарелая мать его пыталась его удержать, не дала ему одежды и обуви. Но он, напоследок, это было 24 числа вечером, разбив в окне своего

дома стекло, сказал, что выбьет все, если одежда и обувь не будут ему выданы»⁷.

Опасения священника были связаны с тем, что диакон мог умереть к «позору духовного сана», что стало бы катастрофой для авторитета церкви. В таком случае отпевание умершего и его похороны в пределах кладбища в соответствии с христианскими нормами оказывались под вопросом. Понимая это, к вразумлению Ливанова подключились некоторые прихожане, пытаясь уговорить диакона оставить гибельную страсть. Однако единственным успехом благожелателей стало воспрепятствование продаже им бани и остатков хлеба в целях покупки очередной дозы спиртного⁸. Показательно, что некоторые крестьяне не гнушались скупать за бесценок имущество клирика. Да так, что Белорусов вынужден был предупредить: «сделка с пьяным может обернуться самыми неблагоприятными обстоятельствами»⁹.

Сам диакон зависимым себя не признавал, уверенно давая объяснения начальству и заверяя в трезвости¹⁰. Обстоятельства своего состояния он списывал на прием настойки от геморроя, факт назначения которой, к несчастью, подтвердил врач. При этом не забывал он жаловаться и на своего приходского священника, обвиняя того в корысти и удержании дохода в свою пользу¹¹.

Ситуация зашла так далеко, что консистория назначила повальный обыск, а это могло грозить пропойце серьезными санкциями. На этом этапе у его родственников, вероятно, сработал инстинкт самосохранения. Мать стала отказываться от прежних слов, адресовав претензии настоятелю, которому сама же ранее и печаловалась: «никого к священнику не посылала и про битье стекол не сообщала, на пьянство сына не жаловалась, а, бывая в доме священника, скорбела по-матерински, что сын ее часто бывает подвержен болезни. А окно разбил внук Алексей. Священник все это затеял по каким-то личным мотивам»¹². Ливанов, находясь под присягой, без смущения подтвердил слова родительницы.

Расследование, вероятно, так бы и закончилось ничем, а добропорядочный Белорусов прослыл бы возмутителем спокойствия, если бы не повальный обыск среди крестьян,

которые не скрыли проблему. Но при этом в защите имени Ливанова они проявили парадоксальную снисходительность: пьяница, но характера кроткого и поступков дурных не совершал¹³. Общая позиция прихожан повлияла на решение консистории. Священнику вменили строго наблюдать за пагубной страстью подчиненного и, при необходимости, сообщать властям.

Но вскоре дело закрутилось с новой силой. Пытаясь вразумить Ливанова, подключились соседние священники, сообщавшие в консисторию об исключительном характере проблемы в майдановском приходе¹⁴. Защищаясь, диакон вторично обвинил своего настоятеля в оговоре. Вызвало это реакцию консистории или нет, неизвестно. Но следующий рапорт Белорусова, датируемый 1860 г., говорит, что церковная бюрократия заняла отстраненную позицию, равно как и большинство прихожан, молча наблюдавших со стороны за развитием событий. Священник писал, что диакон дошел до того, что начал пускать себе кровь: «Эту операцию он употребляет как способ облегчения после каждого перегула, оканчивающегося почти всегда припадками сумасшествия»¹⁵. Ливанов даже стал ходить в питейный дом, что для священнослужителя являлось недопустимым.

Действенной реакции консистории пришлось ждать еще около двух лет. Только в 1862 г. у диакона была отобрана грамота на служение, он был запрещен в священнослужении и отправлен в отдаленный монастырь для отбывания епитимьи и «научения трезвой жизни».

Анализ материалов показывает, что таких случаев было множество. Сравнение с архивами Иркутской духовной консистории наводит на мысль о всероссийском характере проблемы¹⁶. В некотором роде, выпивающий священник или дьячок было явлением рядовым, а следующий случай дает основания полагать, что в большинстве случаев крестьяне относились к ним довольно терпимо.

В 1858 г. в селе Кошели Цивильского уезда в один из вечеров случился переполюх: пьяный настоятель церкви Серебров нанес побои сыну церковного сторожа, а затем «учинил в колокол набат»¹⁷. Это означало происшествие экстраорди-

нарного плана (пожар, стихийное бедствие, нашествие неприятеля и т. п.). Закономерно, что на звон колокола сбежалось все село. Как впоследствии объяснил сам священник, ему почудился пожар в конце улицы. Крестьяне же, удостоверившись, что пожара нет, Сереброва «дерзко схватили и повели в сельскую расправу. Я пытался им сказать причину и напоминал, что сельская расправа мне не судья. Но они не слушали, дергали за руки и толкали в спину... Во время оскорблений “мой” священник Фома Шонгутский вместо того, чтобы своими пастырскими убеждениями остановить их дерзости, настаивал писать против меня мирской приговор... Чтобы успеть исполнить свое намерение и причинить мне большие неприятности возмущением народного спокойствия и нарушением прав благопристойности, оружием своим избрал прихожан друзей своих... Все это он употребил в отмщение за то, что в 1856 году я открыл злоупотребление по здешней церкви...»¹⁸.

Как впоследствии выяснилось, подлинная причина инцидента крылась в хроническом алкоголизме Сереброва и в обострившихся на этой почве подозрительности и неприязни к сослуживцу. Резонансный характер случая придали не только статус виновника и нарушение им общественного спокойствия, влекшего за собой санкции, но и клевета священника в адрес члена причта и сельчан-чувашей. Это могло обернуться «инородческим» недовольством и вызвать внимание властей. Но крестьяне даже в этих условиях проявляли к Сереброву почтение¹⁹. Некоторые из них попытались пристыдить пастыря: «Серебров был пьян. Я, отнимая у него веревку, сказал ему: зачем ты, бесстыдник, делаешь тревогу и всех нас приводишь в испуг?», – заявил благочинному крестьянин Феофанов²⁰. Нашлись и те, кто вознамерился спасти священника. Крестьянин Максимов, зная, что содеянное подпадает под Уложение о наказаниях²¹, попытался воспрепятствовать огласке дела²². Таким образом, священник избежал наказания и, по решению консистории, был отправлен в монастырь для исправления.

В свете изложенного показателен еще один пример. Он привлекает внимание тем, что его участником был священник, за свои проступки однажды уже сурово наказанный. Биография

Ильинского изобиловала «поведенческими аномалиями». Несмотря на удовлетворительное образование, складное чтение и пение, наличие семьи, а также архиерейской благодарности, он был судим церковным судом²³. Согласно консисторской справке, «в 1833 г. у него было обнаружено 739 руб. 80 коп. ассигнациями, завещанных в утягловскую церковь того села экономическим крестьянином Степаном Лукьяновым. <...> Но они не были вписаны в приходно-расходные книги и неправильно использовались»²⁴. Кроме прочего, клирик пристрастился к вину. За моральное оскорбление, причиненное в пьяном виде своему сослуживцу священнику Кобзеву, Ильинский был послан в монастырь с запрещением священнослужения. В последующем «за разные противозаконные деяния, учиненные якобы в нетрезвом виде, был обязан подпискою с предписанием местному благочинному чинить за ним надзор и о поведении его доносить»²⁵. Последней каплей стал хмельной призыв Ильинского к крестьянам не повиноваться полицейской власти, за что бунтарь был вызван к адъютанту губернатора.

Однако даже после запрета священник не исправился и в статусе причетника продолжил пьянствовать. Так, на Пасху Ильинский «явился на Литургию до того пьян, что прихожане вынуждены были вывести его «дабы отстранить народный соблазн»²⁶. Но причт, включая настоятеля, продолжительное время не сообщал о происходящем церковным властям, объясняя это тем, что в надежде верили в исцеление служителя²⁷. Тем временем моральное падение Ильинского усугублялось и дошло до крайности: прихожане видели, как он «спал под бревнами», «ходил в безобразном виде в питейный дом без фуражки» и совершал иные неэтичные поступки. Они также до поры старались не придавать огласке происходящее. В ходе повального обыска оправдывались: «Хотя с самого поступления к нам его, Ильинского, мы не видели в нем безукоризненного поведения, но умалчивали об этом, с одной стороны, из сожаления к его Семейству, с другой, потому что надеялись на его исправление»²⁸.

Но и этому долготерпению пришел конец. В приговоре сельского схода об удалении из прихода Ильинского крес-

тьяне так обосновали свое решение: «Неоднократно уносил из церкви книги и закладывал их за вино в питейном доме, откуда выкупались они бывшим благочинным. И случается даже так, что во время совершения литургии он, Ильинский, отлучается из церкви и бегаёт в питейный дом, чтобы выпить. А как по всем этим предосудительным проступкам, заключающим соблазн и бесчинство, он, Ильинский, не может быть более терпим в звании церковного причетника, то мы, прихожане, единогласно учинили сей приговор...»²⁹.

Таким образом, крестьяне отличались долготерпением. Не порок пьянства как таковой, а его крайние последствия приводили их к принятию решения. Такое положение дел не могло быть терпимым, поскольку усложняло исполнение насущных церковных треб: венчания, отпевания, крещения. Поэтому крестьяне не только требовали избавить их от проблемного клирика, но и самостоятельно находили ему достойную замену.

Однако консистория, как и в других случаях, не реагировала на эти просьбы. Причетник продолжал вести прежний образ жизни, пороча авторитет церкви. Постепенно его дерзость стала распространяться не только на прихожан, но и на настоятеля. Это побудило первых в очередной раз обратиться к архиерею³⁰. С крестьянами, наконец, солидаризовался и причт. «Ильинский своим пьянством и своими явлениями в пьяном-безобразном виде в Храм Божий довел прихожан до того, что уже некоторые не желают ходить в церковь»³¹, – гласило обращение. Парадоксально, но и эта острастка оказалась бездейственной. Только в 1862 г. Ильинский был вызван в Казань. Несмотря на исключительный характер содеянного, ему было назначено всего лишь пятьдесят ежедневных земных поклонов в течение недели. В 1866 г. Ильинский обратился к архиерею с просьбой в восстановлении в священнослужении: «А коли паче определения на священническое место, то по крайней мере я буду знать свою несчастную участь, которая при полных уже моих годах, я полагаю, что не закоснить»³². Трудно сказать, исправился ли он к тому времени или нет. Как бы то ни было, но прошение теперь было написано твердой рукой. Впрочем, о реакции епископа документы ничего не сообщают.

Таким образом, на приведенных примерах просматривается обратная сторона этического образа сельского клирика, пораженного пороком пьянства, его место и роль в системе приходских отношений. Алкогольная зависимость для духовенства была столь же актуальна, как и для его паствы. В целом последняя была снисходительна к девиациям своих пастырей, лояльно рассматривая их пороки как проступки «своих». Если только те не выходили за определенные рамки. Однако это превращало благопристойных членов причта в заложников ситуации, невольно вынужденных балансировать между моральным кодексом церкви и бытовой практикой. Самоустранение и запоздалая реакция епархиальной власти оборачивались осложнением ситуации для церковных низов. В итоге это вносило негативный вклад в реализацию миссии церкви по воспитанию народного воздержания и благонравия.

Примечания / Notes

¹ Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. – СПб.: Археографическая комиссия, 1880. – С. 16. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya arkheograficheskoi komissiei* [The Russian Historical Library Published by the Archeographic Commission. In Russ.]. Vol. 6: *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava* [Monuments of Ancient Russian Canon Law. In Russ.]. St. Petersburg, arkheograficheskaya komissiya publ., 1880, p. 16.

² Руцинский, Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. – М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1871. – С. 20–21. RUSHCHINSKII, L. P. *Religiozniy byt russkikh po svedeniyam inostrannykh pisatelei XVI i XVII vekov* [The Life of Russians According to Foreign Writers of the 16th and 17th Centuries. In Russ.]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete publ., 1871, pp. 20–21.

³ Белоногова, Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). – М.: ПСТГУ, 2010. – 175 с. BELONOGOVA, Yu. I. *Prikhodskoe dukhovenstvo i krest'yanskiy mir v nachale XX veka (po materialam Moskovskoi eparkhii)* [Parish Clergy and Peasant World in the Early 20th Century: Materials of the Moscow Diocese. In Russ.]. Moscow, PSTGU publ., 2010, 175 p.

⁴ Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). – М.; Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. – 304 с. BEZGIN, V. B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasants' Everyday Life (Traditions of the Late 19th – Early 20th Century)]. In Russ.]. Moscow-Tambov, Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta publ., 2004, 304 p.

⁵ Спичак, А. В. Отражение борьбы с пьянством духовных лиц в делах Тобольской духовной консистории во второй половине XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 133–138. SPICHAK, A. V. *Otrazhenie bor'by s p'yanstvom dukhovnykh lits v delakh Tobol'skoi dukhovnoi konsistorii vo vtoroi polovine XVIII–XIX vv.* [Reflection of the Struggle Against Drunkenness of Clergy in the Activities of the Tobolsk Spiritual Consistory in the Second Half of the 18th – 19th Centuries. In Russ.]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2019, no. 440, pp. 133–138.

⁶ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 90. Д. 36. 75 л. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [The State Archive of the Republic of Tatarstan] (GART), fond 4, series 90, file 36, 75 p.

⁷ Там же. Л. 5 об. Ibid., p. 5 verso.

⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 90. Д. 36. Л. 12 об. Ibid., fond 4, series 90, file 36, p. 12 verso.

⁹ Там же. Л. 19–20 об. Ibid., pp. 19–20 verso.

¹⁰ Там же. Л. 7–8. Ibid., pp. 7–8 verso.

¹¹ Там же. Л. 21–24 об. Ibid., pp. 21–24 verso.

¹² Там же. Л. 27. Ibid., p. 27.

¹³ Там же. Л. 33–36. Ibid., pp. 33–36.

¹⁴ Там же. Л. 43. Ibid., p. 43 verso.

¹⁵ Там же. Л. 50–51. Ibid., pp. 50–51.

¹⁶ См. напр.: Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Святейший синод. Иркутская духовная консистория. 23.01.1746 – 27.05.1920. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [The State Archive of the Irkutsk Region] (GAIO), fond 50: The Holy Synod. Irkutsk Spiritual Consistory. 23.01.1746 – 27.05.1920.

¹⁷ ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5427. Л. 2–2 об. GART, fond 4, series 1, file 5427, pp. 2–2 verso.

¹⁸ Там же. Л. 3–4 об. Ibid., pp. 3–4 verso.

¹⁹ Там же. Ibid.

²⁰ Там же. Л. 37 об. Ibid., p. 37 verso.

²¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – С. 508. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [The Code of Criminal and Correctional Punishments.

In Russ.]. St. Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ., 1845, p. 508.

²² ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5427. Л. 8–8 об. ГАРТ, фонд 4, series 1, file 5427, pp. 8–8 verso.

²³ Там же. Д. 5601. Л. 1–2 об. Ibid., file 5601, pp. 1–2 verso.

²⁴ Там же. Ibid.

²⁵ Там же. Ibid.

²⁶ Там же. Л. 9. Ibid., p. 9.

²⁷ Там же. Л. 10 об. Ibid., p. 10 verso.

²⁸ Там же. Л. 16. Ibid., p. 16.

²⁹ Там же. Л. 16 об. Ibid., p. 16 verso.

³⁰ Там же. Л. 47. Ibid., p. 47.

³¹ Там же. Л. 53 об. Ibid., p. 53 verso.

³² Там же. Л. 82 об. Ibid., p. 82 verso.

Список литературы

Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). – М.; Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. – 304 с.

Белоногова, Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). – М.: ПСТГУ, 2010. – 175 с.

Рушчинский, Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. – М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1871. – 337 с.

Спичак, А. В. Отражение борьбы с пьянством духовных лиц в делах Тобольской духовной консистории во второй половине XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 133–138.

References

BEZGIN, V. B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasants' Everyday Life (Traditions of the Late 19th – Early 20th Century)]. In Russ.]. Moscow-Tambov, Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta publ., 2004, 304 p.

BELONOGOVA, Yu. I. *Prihodskoe dukhovenstvo i krest'yanskii mir v nachale XX veka (po materialam Moskovskoi eparkhii)* [Parish Clergy and Peasant World in the Early 20th Century: Materials of the Moscow Diocese]. In Russ.]. Moscow, PSTGU publ., 2010, 175 p.

RUSHCHINSKII, L. P. *Religiozniyi byt russkikh po svedeniyam inostrannykh pisatelei XVI i XVII vekov* [The Life of Russians According to Foreign Writers of the 16th and 17th Centuries]. In Russ.]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete publ., 1871, 337 p.

СПИЧАК, А. В. *Otrazhenie bor'by s p'yanstvom dukhovnykh lits v delakh Tobol'skoi dukhovnoi konsistorii vo второй половине XVIII–XIX vv.* [Reflection of the Struggle Against Drunkenness of Clergy in the Activities of the Tobolsk Spiritual Consistory in the Second Half of the 18th – 19th Centuries. In Russ.]. IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2019, no. 440, pp. 133–138.

Сведения об авторах

Хохлов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений, кафедра антропологии и этнографии, доцент, г. Казань, Российская Федерация, 8-843-233-71-09, 8-987-2-36-45-36, kazan_molodezh@mail.ru

About the authors

Khokhlov Alexander Anatolievich, PhD in History, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of International Relations, assistant professor, Kazan, Russian Federation, +7-843-233-71-09, +7-987-2-36-45-36, kazan_molodezh@mail.ru

В редакцию статья поступила 07.02.2022 г., опубликована (для цитирования):

Хохлов, А. А. Историко-антропологический очерк пьянства приходского клира Казанской епархии в середине XIX в. // Вестник архивиста. – 2023. – № 1. – С. 249–261. doi 10.28995/2073-0101-2023-1-249-261

Submitted 07.02.2022, published (for citation):

KHOKHLOV, A. A. *Istoriko-antropologicheskii ocherk p'yanstva prikhodskogo klira Kazanskoj eparkhii v seredine XIX v.* [Historical and Anthropological Sketch on Parish Clergy Drunkenness in the Kazan Eparchy in Mid-19th Century. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2023, no. 1, pp. 249–261. doi 10.28995/2073-0101-2023-1-249-261